ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

П. А. Ильичев*

Обеспечение добросовестности в третейском разбирательстве

Аннотация. Настоящая статья посвящена некоторым аспектам обеспечения добросовестности в третейском разбирательстве при рассмотрении гражданских дел в рамках института третейского разбирательства в части обеспечения прав и законных интересов третьих лиц, не являющихся сторонами третейского разбирательства, с учетом реформы законодательства о третейских судах. В статье анализируется проблема, имеющая место в правоприменительной практике, когда участники гражданского оборота с целью причинения вреда правам и охраняемым законом интересам третьих лиц, используя механизм третейского разбирательства, подтверждают искусственно созданную задолженность, вытекающую из несуществующего в действительности договорного обязательства. Автор на основе анализа научной доктрины и судебной практики, в том числе правовых позиций Верховного Суда РФ, предлагается комплекс мер, направленных на недопущение злоупотребления правом в третейском разбирательстве, содержание которых сводится к введению принципа добросовестности непосредственно в нормы специального законодательства о третейском разбирательстве, а также установлению обязательной нотариальной формы арбитражного соглашения при рассмотрении дел третейскими судами, образованными сторонами для разрешения конкретного спора.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, третейское разбирательство, добросовестность, злоупотребление правом, форма, арбитражное соглашение, обеспечение, правоприменительная практика, автор, обстоятельство.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.92.7.082-089

В статье анализируются некоторые вопросы применения принципа добросовестности при рассмотрении гражданских дел в рамках института третейского разбирательства в части обеспечения прав и законных

интересов третьих лиц, не являющихся сторонами третейского разбирательства, с учетом реформы законодательства о третейских судах, в ходе которой был принят Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже

© Ильичев П. А., 2018

* Ильичев Петр Андреевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области

ilichevpetr@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

(третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее — Закон об арбитраже), а также внесены существенные изменения в отдельные законодательные акты.

Несмотря на то, что принцип добросовестности закреплён в нормах гражданского законодательства РФ (ст. 1 ГК РФ), по нашему мнению, следует констатировать его комплексную и межотраслевую правовую природу. Так, в частности, А. М. Ширвиндт справедливо отмечает, что принцип добросовестности имеет более или менее выраженное определенное материально-правовое содержание². Находит свое выражение принцип добросовестности и в процессуальном законодательстве. Пунктом 1 ст. 35 ГПК РФ, п. 1 ст. 41 АПК РФ, п. 6 ст. 45 КАС РФ закреплена обязанность добросовестного осуществления процессуальных прав для лиц, участвующих в деле. Представляется обоснованной позиция А. В. Юдина, согласно которой злоупотребление процессуальным правом (недобросовестное поведение) представляет собой особую разновидность гражданского процессуального правонарушения, целью которого выступает причинение вреда интересам правосудия и лиц, участвующих в деле³.

В последнее время в правоприменительной практике достаточно остро стоит вопрос о злоупотреблении процессуальными правами при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Данный вопрос был обозначен в том числе Верховным Судом РФ, в котором анализируются отдельные аспекты злоупотребления процессуальными правами⁴. Как обоснованно отмечает В. В. Ярков, при характеристике и доказывании

злоупотребления процессуальным правом важен субъективный момент — стремление использовать не в соответствии с назначением, которое можно определить, исходя из задач гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции⁵.

Несмотря на недавно прошедшую реформу законодательства о третейских судах и принятие Закона об арбитраже, направленных на прекращение злоупотреблений в данной сфере⁶, вопрос обеспечения добросовестности в третейском разбирательстве остался недостаточно урегулированным законодательно, что обуславливает актуальность данной проблематики. Обозначенный вопрос целесообразно рассмотреть в двух ключевых аспектах: добросовестность сторон третейского разбирательства, с одной стороны, и добросовестность третейского суда и постоянно действующего арбитражного учреждения, выполняющего функции по администрированию арбитража (третейского разбирательства), с другой стороны.

В правоприменительной практике имеют место многочисленные случаи, когда стороны злоупотребляют правом с использованием института арбитража с целью причинения вреда правам и охраняемым законом интересам третьих лиц. В частности, недобросовестные субъекты гражданского оборота могут заключить арбитражное соглашение исключительно с целью создания и подтверждения искусственно созданной задолженности, вытекающей из несуществующего в действительности договорного обязательства. Используя механизм третейского разбирательства, характеризующийся быстротой и низкими

¹ СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

² Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // М. : Статут, 2014. С. 203—242.

³ Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2005. С. 340.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 36-КГ16-26 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ярков В. В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КГ16-26) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 81—112.

⁶ На данное обстоятельство, в частности, ссылается группа авторов (см.: Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М. Н. Акуев, М. А. Акчурина, Т. К. Андреева [и др.] ; под общ. ред. В. В. Хвалеев. М. : РАА, 2017. 935 с.

затратами, такой недобросовестный кредитор обладает возможностью оперативно получить исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда и использовать его в целях ущемления прав других кредиторов должника в деле о банкротстве либо в исполнительном производстве.

Основной проблемой пресечения подобных недобросовестных действий выступало то обстоятельство, что третейские суды при рассмотрении дела ограничивались только исследованием формального первичного документооборота сторон третейского разбирательства (гражданско-правового договора и в некоторых случаях акта об исполнении обязательств по договору), не рассматривая при этом вопросы экономической обоснованности возникновения соответствующих правоотношений. Государственные суды при разрешении вопроса о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений таких третейских судов, не имея в силу положений процессуального законодательства компетенции давать оценку вопросам обоснованности решения третейского суда (правильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; вопросы доказанности, соответствия выводов третейского суда обстоятельствам дела), и не находя предусмотренных законом оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, обеспечивали такие арбитражные решения механизмом принудительного исполнения. Оспорить рассматриваемые определения судов добросовестным кредиторам должника — стороны третейского разбирательства длительное время было крайне затруднительно.

В последнее время в судебной практике имеются случаи пресечения подобных злоупотреблений. Так, в частности, Арбитражный суд Московского округа правомерно отмечает, что защита охраняемых законом интересов третьих лиц, в том числе в отношениях с неплатежеспособным должником, важная функция правосудия, являющаяся элементом публичного порядка государства. Следовательно, при рассмотрении заявления о признании и приве-

дении в исполнение третейского решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения в силу полномочий государственного суда, в том числе ввиду заявления данного довода участниками разбирательства. Принудительное исполнение третейского решения, нарушающее публичный порядок, является судебной ошибкой, свидетельствующей о незаконности судебного акта⁷.

Данная проблематика была также исследована Верховным Судом РФ, который в принятых по разным делам судебных актах указывает, что, сознательно сокращая стадии судебного разбирательства по делам о принудительном исполнении решений третейских судов (международного коммерческого арбитража), законодатель исходил из признания исчерпывающей роли третейского суда (арбитража) в разрешении по существу спора, переданного по воле сторон в указанный орган, отсутствия необходимости в пересмотре решения третейского суда по существу и обеспечения в связи с этим процессуальной экономии и ускорения рассмотрения дела по спору, уже разрешенному третейским судом.

Однако указанный подход не исключил общепризнанных (как на уровне международно-правовых источников, так и актов национального права государств в сфере третейского разбирательства) полномочий государственного суда по защите интересов публичного порядка, которые государственный суд места исполнения третейского решения осуществляет по собственной инициативе, независимо от того, ходатайствуют о проверке последствий исполнения третейского решения на соответствие публичному порядку участники разбирательства или третьи лица. Защита охраняемых законом интересов третьих лиц, в том числе в отношениях с неплатежеспособным должником, — важная функция правосудия, являющаяся элементом публичного порядка государства. Следовательно, при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение третейского решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2017 № Ф05-19457/2017 по делу № А40-140242/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

порядка государства исполнения в силу полномочий государственного суда.

Поведение участников гражданского оборота, фактически направленное на создание искусственной задолженности, при отсутствии доказательств обратного, представляет собой использование юридических лиц для целей злоупотребления правом, т.е. находится в противоречии с действительным назначением юридического лица как субъекта права. В равной степени такие действия являются и формой незаконного использования третейского разбирательства, поскольку направлены не на обращение к третейскому суду как средству разрешения спора согласно его правовой природе, а на использование третейского разбирательства в целях злоупотребления правом. Такие интересы судебной защите не подлежат⁸.

С учетом изложенной правовой позиции Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики за 3-й квартал 2017 г. разъяснил, что при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении сторон третейского разбирательства, в частности инициировании третейского разбирательства исключительно с целью создания искусственной задолженности во вред кредиторам одной из сторон разбирательства, эти стороны несут бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий и отсутствия нарушения публичного порядка в случае приведения в исполнение решения третейского суда⁹.

Разъяснения Президиума Верховного Суда РФ, возлагающие бремя доказывания добросовестности и разумности действий на стороны третейского разбирательства в обозначенной ситуации, способствуют обеспечению прав и законных интересов добросовестных кредиторов одной из сторон арбитража, но не решают данную проблему целиком. Это обусловлено тем обстоятельством, что третейскому суду при рассмотрении спора с учетом предоставленных ему законом

полномочий затруднительно определить, является ли заявленная истцом к взысканию с ответчика задолженность искусственно созданной и имеются ли признаки недобросовестных действий в поведении участников арбитража. По нашему мнению, это связано в том числе с несовершенством отдельных законодательных норм.

С нашей точки зрения, обеспечению правомерного поведения участников третейского разбирательства и недопустимости злоупотребления правом с их стороны будут способствовать следующие меры:

1. *Введение принципа добросовестности непосредственно в нормы специального законодательства о третейском разбирательстве.* Проблемой действующего правового регулирования третейского разбирательства выступает то обстоятельство, что Закон об арбитраже не содержит каких-либо норм, закрепляющих обязанность добросовестного осуществления принадлежащих участникам третейского разбирательства процессуальных прав, равно как и осуществления третейского разбирательства на основе принципа добросовестности. Данные вопросы находят свое разрешение исключительно в положениях правоприменительной практики и основываются на расширительном толковании российского законодательства. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, в частности отмечает, что действия участника третейского процесса, не предпринявшего должных мер по получению корреспонденции по сообщенным им адресам и ссылающегося впоследствии на собственную неосмотрительность в доказательство нарушения его права, не могут быть признаны отвечающими принципу добросовестности¹⁰. Данный подход свидетельствует об имеющем место случаях применения принципа добросовестности к данной группе общественных отношений.

В научной литературе данный вопрос также находит свое отражение. Так, группа авторов

⁸ Определения Верховного Суда РФ от 28.04.2017 по делу № 305-ЭС16-19572, А40-147645/2015 ; от 17.10.2017 № 310-ЭС17-8992 по делу № А54-3033/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.03.2009 № 17412/08 по делу № А40-30595/08-50-258 // СПС «КонсультантПлюс».

указывает, что решение арбитража, третейского суда — это акт правосудия, основанный на воле сторон передать свой спор в коммерческий арбитраж, акт, который разрешает спор по существу, устанавливает меру правоты сторон спора, в том числе с позиции применимого законодательства конкретной страны или принципов международного частного права, либо исходя из принципов разумности и добросовестности¹¹. Также заслуживает одобрения тезис, согласно которому третейское разбирательство представляет собой форму защиты интересов добросовестной стороны¹², а также позиция, определяющая, что главным условием эффективной деятельности третейских судов и оперативности исполнения их решений является добровольное и добросовестное поведение сторон спора¹³.

Между тем ст. 18 Закона об арбитраже устанавливает, что арбитраж осуществляется на основе принципов независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам. Принципа добросовестности нормы Закона об арбитраже не содержат.

Если процессуальные вопросы деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов при рассмотрении и разрешении гражданских дел регулируются нормами процессуального законодательства, содержащими положения о добросовестном осуществлении процессуальных прав лицами, участвующими в деле, то в силу диспозитивных начал арбитража подавляющее большинство процессуальных вопросов регулируется не императивными нормами Закона об арбитраже, а правилами постоянно действующего арбитражного учреждения, в которых может и не быть отражено положение об обязательности добросовестного осуществления сторонами третейского разбирательства принадлежащих им процессуальных прав. В Законе об арбитраже данное положение также отсутству-

ет. Такой подход в полной мере не обеспечивает права и законные интересы добросовестных участников гражданского оборота.

С нашей точки зрения, целесообразно внести изменения в положения Закона об арбитраже, предусмотрев в нем обязанность добросовестного осуществления процессуальных прав для сторон третейского разбирательства, а также ввести в нормы Закона об арбитраже принцип добросовестности. При этом обязанность проверки добросовестности действий сторон арбитража должен осуществлять непосредственно третейский суд в пределах предоставленных ему законом полномочий. Важно сформировать правовой механизм, при котором любая недобросовестность сторон арбитража пресекалась бы на стадии рассмотрения дела в третейском суде активной ролью арбитров, а не на стадии принудительного исполнения решения третейского суда, когда права добросовестных кредиторов будут уже нарушены. При выявлении признаков злоупотребления правом третейским судам целесообразно отказывать обратившемуся лицу в защите такого права.

2. Установление обязательной нотариальной формы арбитражного соглашения при рассмотрении дел третейскими судами, образованными сторонами для разрешения конкретного спора. Злоупотребление правом в третейском разбирательстве во многих случаях начинается с момента заключения арбитражного соглашения. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что одним из факторов возникновения недобросовестности в третейском разбирательстве выступают низкие требования, которые закон устанавливает для формы арбитражного соглашения.

Так, статьей 7 Закона об арбитраже установлено, что арбитражное соглашение должно быть в письменной форме. Условие о письменной форме считается соблюденным в том чис-

¹¹ Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей / Н. Г. Вилкова, И. П. Грешников, К. В. Грешников [и др.] ; сост. и отв. ред. И. П. Грешников. М. : Статут, 2015. 251 с.

¹² Амбалова С. М. Законная сила решения третейского суда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 38—42.

¹³ Вершкова Е. Оспаривание и принудительное исполнение решений третейских судов в арбитражной практике // Административное право. 2015. № 3. С. 63—68.

ле и в случаях, если арбитражное соглашение заключено путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны. Арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме, если оно заключается путем обмена процессуальными документами (в том числе исковым заявлением и отзывом на исковое заявление), в которых одна из сторон заявляет о наличии соглашения, а другая против этого не возражает. Также допускается включение арбитражных соглашений в правила организованных торгов или в устав юридического лица.

В международной практике существуют случаи, когда суды расценивают заключенным арбитражное соглашение даже путем молчаливого принятия предложения другой стороны, содержащего арбитражную оговорку. Так, Апелляционный суд Нидерландов постановил, что если продавец отправляет покупателю письменный договор купли-продажи, содержащий арбитражную оговорку, а покупатель не возражает в течение месяца после поставки товаров, рассмотрение такого спора в арбитраже соответствует требованиям закона¹⁴.

Аналогичные случаи вынесения судебных актов имеют место и в Соединенных Штатах Америки¹⁵. В научной литературе отмечается, что такой подход основан на толковании Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.08.1960)¹⁶. Данный подход может быть применен и в российском законодательстве: согласно толкованию п. 3.1 ст. 70 АПК РФ обстоятельства, на которые ссылается

сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований. В данной ситуации с учетом изложенного в ст. 7 Закона об арбитраже способа заключения арбитражного соглашения путем обмена процессуальными документами существует вероятность данного толкования законодательства в российской правоприменительной практике.

Тенденция к либерализации формы арбитражного соглашения обусловлена прежде всего аргументами о необходимости обеспечения доступности арбитража для участников гражданского оборота. Вместе с тем, с нашей точки зрения, уважая право сторон передать спор на рассмотрение третейского суда, необходимо также учитывать права и законные интересы третьих лиц от возможных недобросовестных действий этих сторон.

С нашей точки зрения, обозначенный подход законодателя к форме арбитражного соглашения не позволяет в полной мере защитить права и законные интересы третьих лиц от недобросовестных действий сторон третейского разбирательства¹⁷.

Полагаем, что установление нотариальной формы арбитражного соглашения для отдельных категорий дел способствует предотвращению злоупотребления правом в третейском разбирательстве, поскольку нотариус в соответствии с требованиями Основ законодательства РФ о нотариате будет проверять личность и полномочия лиц, подписавших арбитражное соглашение; устанавливать действительное волеизъявление сторон третейского разбирательства на заключение арбитражного соглашения;

¹⁴ Judgment of 26 June 1970, Israel Chem. & Phosphates Ltd v. NV Algemene Oliehandel — I Yearbook Comm. Arb. 1976. P. 194.

¹⁵ Genesco Inc. v. T. Kakiuchi & Co., 815 F 2d 840, 846 (2d Civ. 1987).

¹⁶ Коломиец А. И. Письменная форма арбитражного соглашения — пережиток прошлого или необходимость? // Вестник арбитражной практики. 2017. № 4. С. 3—11.

¹⁷ См. также: Майшев М. В. Правовая природа, форма и содержание арбитражного соглашения по праву Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 7.

разъяснять сторонам правовые последствия заключения арбитражного соглашения; проверять соответствие арбитражного соглашения требованиям законодательства; осуществлять иные действия, предусмотренные законом. Кроме того, нотариальная форма арбитражного соглашения исключит имеющие место в правоприменительной практике недобросовестные действия, выражающиеся в подписании арбитражных соглашений «задним числом» с целью создания формального документооборота с целью подтверждения в третейском суде несуществующей в действительности искусственно созданной кредиторской задолженности во вред иным кредиторам должника — стороны арбитража.

Вместе с тем предлагаемые меры по установлению обязательной нотариальной формы арбитражного соглашения не должны носить абсолютный характер и существенным образом ограничивать доступность третейского разбирательства для добросовестных участников гражданского оборота. По нашему мнению, в целях соблюдения баланса интересов сторон третейского разбирательства и третьих лиц обязательную нотариальную форму арбитражного соглашения следует установить только для дел, рассматриваемых третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (арбитраж *ad hoc*). Это обу-

словлено тем обстоятельством, что третейское разбирательство, администрируемое постоянно действующим арбитражным учреждением, осуществляется на качественно ином уровне применительно к арбитражу *ad hoc* и имеет комплекс дополнительных установленных законом гарантий, которые существенным образом минимизирует злоупотребления в сфере третейского разбирательства. Комплекс мер по повышению добросовестности в третейском разбирательстве, предусмотренных Законом об арбитраже, по нашему мнению, существенным образом не затронул деятельность третейских судов, образованных сторонами для разрешения конкретного спора. Именно поэтому предлагаемый подход является компромиссным вариантом, который, с одной стороны, будет сохранять доступность третейского разбирательства, а с другой — способствовать пресечению злоупотреблений в сфере арбитража.

Полагаем, что комплекс предложенных мер будет способствовать использованию института арбитража с целью защиты прав и охраняемых законом интересов добросовестных участников гражданского оборота, снизит количество злоупотреблений правом в третейском разбирательстве и обеспечит выполнение ключевых задач по реформированию системы российского арбитража.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амбалова С. М. Законная сила решения третейского суда // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2017. — № 4. — С. 38—42.
2. Вершкова Е. Оспаривание и принудительное исполнение решений третейских судов в арбитражной практике // *Административное право*. — 2015. — № 3. — С. 63—68.
3. Коломиец А. И. Письменная форма арбитражного соглашения — пережиток прошлого или необходимость? // *Вестник арбитражной практики*. — 2017. — № 4. — С. 3—11.
4. Майшев М. В. Правовая природа, форма и содержание арбитражного соглашения по праву Германии // *Арбитражный и гражданский процесс*. — 2008. — № 7.
5. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права : сборник статей / Н. Г. Вилкова, И. П. Грешников, К. В. Грешников [и др.] ; сост. и отв. ред. И. П. Грешников. — М. : Статут, 2015. — 251 с.
6. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М. Н. Акуев, М. А. Акчурина, Т. К. Андреева [и др.] ; под общей ред. В. В. Хвалея. — М. : РАА, 2017. — 935 с.
7. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение. — М. : Статут, 2014. — С. 203—242.

8. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. — СПб. : Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2005. — 360 с.
9. Ярков В. В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КГ16—26) // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 5. — С. 81—112.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2018 г.

ENSURING GOOD FAITH IN ARBITRATION PROCEEDINGS

ILYICHEV Petr Andreevich — PhD in Law, Lecturer of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Advocate, Member of the Qualification Commission of the Moscow Region Bar
ilichevpetr@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Abstract. *This article is devoted to some aspects of ensuring good faith in arbitration proceedings in civil cases within the framework of the arbitration procedure in terms of securing rights and legitimate interests of third parties who are not parties to arbitration with due regard to the reform of the arbitration courts law. The article analyzes the problem that takes place in law enforcement practice when parties involved in civil transactions to the detriment of rights and legally protected interests of third parties resort to arbitration proceedings and confirm an artificially created debt arising from a non-existing contractual obligation. On the basis of the scientific doctrine and jurisprudence analysis and with due regard to legal stances of the Supreme Court of the Russian Federation, the author proposes a set of measures aimed at preventing abuse of the right to arbitration proceedings, the content of which is reduced to the introduction of the principle of good faith directly into the norms of arbitration procedure legislation and an obligatory notarial form of the arbitration agreement when the cases are considered by arbitral tribunals set up by the parties to consider a dispute in question.*

Keywords: *Arbitration tribunal, arbitration, arbitration proceedings, good faith, abuse of the right, form, arbitration agreement, security, law enforcement practice, author, circumstance.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ambalova S. M. Zakonnaya sila resheniya tretejskogo suda // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2017. — № 4. — С. 38—42.
2. Vershkova E. Osparivanie i prinuditel'noe ispolnenie reshenij tretejskih sudov v arbitrazhnoj praktike // Administrativnoe pravo. — 2015. — № 3. — С. 63—68.
3. Kolomiec A. I. Pis'mennaya forma arbitrazhnogo soglasheniya — perezhitok proshlogo ili neobходimost'? // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. — 2017. — № 4. — С. 3—11.
4. Majshev M. V. Pravovaya priroda, forma i sodержanie arbitrazhnogo soglasheniya po pravu Germanii // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2008. — № 7.
5. Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh i voprosy chastnogo prava : sbornik statej / N. G. Vilkova, I. P. Greshnikov, K. V. Greshnikov [i dr.] ; sost. i otv. red. I. P. Greshnikov. — M. : Statut, 2015. — 251 s.
6. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarii k zakonodatel'stvu o tretejskih sudah / M. N. Akuev, M. A. Akchurina, T. K. Andreeva [i dr.] ; pod obshchej red. V. V. Hvaleya. — M. : RAA, 2017. — 935 s.
7. Shirvindt A. M. Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie. — M. : Statut, 2014. — С. 203—242.
8. Yudin A. V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve. — SPb. : Izd-vo yurid. fak. SPbGU, 2005. — 360 s.
9. Yarkov V. V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami: diagnostika i lechenie (kommentarij opredeleniya Verhovnogo Suda RF ot 17 yanvarya 2017 g. № 36-KG16—26) // Vestnik grazhdanskogo processa. — 2017. — № 5. — С. 81—112.